ПРАВО СИЛЬНОГО

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

КНИГА 8

Михаил Капралов

Право сильного. Последняя грань. Финал

«Автор»
2026

Капралов М. А.

Право сильного. Последняя грань. Финал / М. А. Капралов — «Автор», 2026

Граница между привычным миром и аномальными пространствами становится всё тоньше.За чередой катастроф обнаруживается угроза, перед которой даже сильнейшие маги вынуждены пересматривать собственные возможности.Демьян Ильин приближается к пределу силы, о котором прежде мог только мечтать. Рядом с ним — опасная женщина, известная как Вдова, чьи решения невозможно предсказать.Но последний шаг требует больше, чем просто огромного магического резерва.На кону не только жизнь Демьяна, но и право самому определять свою судьбу.А этим правом он не поступится ни перед кем.

© Капралов М. А., 2026
© Автор, 2026

Михаил Капралов
Право сильного. Последняя грань. Финал

ПРАВО СИЛЬНОГО
ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНЬ
Книга 8 в серии

Глава 1. После разлома

День начался с попытки доказать профессору Черкасову, что измерительный прибор не обязан понимать происходящее, чтобы оставаться полезным.

На экране перед ним горела привычная тройка. Ниже, на отдельном стенде, четыре независимых потока удерживали столько нагрузки, что у трёх соседних накопителей сработала тепловая защита. До красной зоны оставался приличный запас. Я наблюдал за распределением энергии и ждал, пока профессор закончит ругаться на собственную методику.

— Ильин, это невозможно.

— Вы уже говорили.

— Потому что за последнюю неделю ничего не изменилось в официальных показаниях. А по прямому измерению ваши каналы ведут себя так, будто прибор вообще не участвует в опыте.

— Он и не участвует. Он смотрит.

Черкасов снял очки. Времени на спор у него было много. У меня — меньше.

— Вы когда-нибудь позволите академии провести полное исследование вашего источника?

— Когда перестанете называть полным исследованием процедуру, которая начинается с просьбы отключить личную защиту и заканчивается вопросом, кому передать образцы ткани.

— Никто не собирается брать образцы без согласия.

— Значит, договорились.

Телефон завибрировал. Я посмотрел на экран и отключил четвёртый поток. Три остальных продолжили работать без заметной просадки. Профессор перевёл взгляд на график, потом на меня.

— Вы специально сделали это сейчас?

— Да. Хотел убедиться, что при неожиданном звонке источник не начнёт принимать решения за меня.

На связи был Егор. Прислал карту с тремя красными отметками и одним коротким сообщением: «Нужен ты. Не для обсуждения».

Я убрал телефон.

— На сегодня закончим.

— Эксперимент ещё не завершён.

— Ваш завершён. Мой продолжается в другом месте.

На экране планшета Черкасов всё-таки успел вывести сохранённый график. На нём четыре отдельных потока сохраняли полную нагрузку, пока стандартный прибор упорно рисовал третью ступень. Профессор смотрел на данные с тем выражением, с каким нормальный человек смотрит на новый налог.

— Вы понимаете, что это противоречит методике? — спросил он.

— Методике — да. Моему источнику плевать.

Он тяжело вздохнул. Я не стал объяснять очевидное: если прибор не видит настоящую работу, менять надо прибор, а не человека.

Я не собирался доказывать ему величину собственной силы ударом по ближайшей стене. В академии хватало примеров того, как большие числа на приборах мешают людям думать.

Карева ждала у выхода из зала. Она слышала последнюю фразу и явно не собиралась делать вид, будто поверила в чрезвычайную научную необходимость моего ухода.

— Опять проблемы?

— Пока только данные.

— Ильин, если это связано с северными аномалиями, отнесись серьёзно.

Я остановился.

— Нина Александровна, последние несколько недель я только этим и занимаюсь.

Она не стала продолжать. Смотрела внимательно, без привычной насмешки. За время нашей работы Карева научилась различать мою наглость и момент, когда спорить действительно не стоит.

У выхода из академии меня догнал Руслан. В одной руке он держал два стакана кофе, в другой — пакет из столовой.

— Марфа сказала, ты снова не ел.

— Удивительное наблюдение. Ещё скажи, что ты купил два кофе исключительно ради меня.

— Один мой. Не жадничай.

Он протянул пакет. Я взял. Внутри оказался горячий пирог, ещё не успевший превратиться в сухой кирпич академического производства.

— Слушай, — сказал Руслан, пока мы шли к парковке, — на северное направление опять добровольцев собирают. Вчера объявление было на факультетском канале. Сегодня убрали.

— Потому что добровольцы в таких местах часто заканчиваются быстрее, чем объявления.

Руслан посмотрел на меня без улыбки.

— Ты ведь туда едешь?

— Пока не знаю.

— А если поедешь, скажи Марфе заранее. Она злится не на твою работу, а на то, что узнаёт обо всём последней.

— Пусть злится на расписание. Оно тоже ничего не знает.

Он собирался возразить, но передумал. Мы уже достаточно хорошо знали друг друга, чтобы не превращать каждый разговор в допрос. Пирог оказался хорошим. Я доел его у машины и впервые за утро почувствовал себя человеком, у которого ещё имеются обычные потребности.

Вместо того чтобы сразу ехать к Егору, я свернул к одному из собственных цехов. Тридцать минут дороги — не слишком дорогая цена за возможность убедиться, что люди не продолжают работать под повреждённым пространством исключительно потому, что им кто-то однажды велел выходить по расписанию.

На проходной меня встретила Ирина. Она больше не спрашивала, почему владелец предприятия приезжает без предупреждения. Просто проверила ближайшие машины и отвела от входа человека, который пытался сфотографировать парковку из-за ограды.

— Кто такой?

— Журналист. Пока не опасен. Хотел выяснить, правда ли мы испытываем военную технику возле аномального пояса.

— А мы испытываем?

— Только оборудование, которое вы разрешили ставить на старый стенд. Военных на территории нет.

— Значит, журналисту придётся написать правду. Сочувствую его редактору.

Ирина не улыбнулась. Она показала мне журнал смен. Две бригады отправили домой сразу после первого пространственного сбоя. Третья работала на участке, где измерения оставались обычными. Между ними установили отдельную физическую границу из тяжёлого бетона и металлических маркеров.

— Громова настояла, — сказала Ирина. — Механические метки и независимая связь. Дорого.

— А если бы не настояла?

— Вчера ночью один погрузчик на соседней площадке развернулся по экрану навигатора. Передние колёса оказались за ограждением. До обрыва оставалось полметра. Водитель заметил бетонный знак и остановился.

— Погрузчик вывели?

— Да. Машину уже проверили. Водитель на отдыхе. Сменные начальники получили новые инструкции.

Я прошёл к ограде, где установленный на столбе датчик отмечал расстояние до дальнего угла склада. Ровно шестьдесят четыре метра. Механическая лента показывала то же самое. Потом прибор мигнул и выдал шестьдесят два с половиной. Лента не изменилась.

Датчик повторил измерение. Шестьдесят четыре.

— Это часто? — спросил я.

— Три раза за ночь. И всегда на одной стороне.

Я проверил грунт, поднял крошечный кусок камня и провёл им в воздухе между двумя физическими маркерами. Камень никуда не ушёл. Энергия была ровной. Значит, пока ещё не перемещение самой территории, а подмена того, что прибор соглашался считать расстоянием.

— Не снимайте бетонные метки, — сказал я. — И никакого общего обновления навигации, даже если поставщик будет уверять, что выпустил новую идеальную программу. Пусть инженер дважды проверит исходные записи и отправит Марине.

Ирина уже открыла планшет.

— Поняла. У неё есть доступ к нашим датчикам?

— К сырым измерениям — будет. К рабочей сети — нет.

На обратном пути я увидел, как рабочие грузили на грузовик исправное оборудование. Ничего необычного: человек у подъёмника, двое рядом с креплениями, водитель проверяет маршрут по бумажной схеме. Все понимали свою задачу. Компания могла жить без моего постоянного присутствия. И если пространство не начнёт менять адреса самих зданий, так и будет.

Ирина проводила меня до маленького контрольно-пропускного павильона, где сидел дежурный механик. На стене висела бумажная схема территории. Пять квадратов, обозначавших цеха, и отдельная красная черта возле западного склада. Не пространственная модель. Обычная разметка, выполненная человеком, который вчера сам прошёл по дороге и промерил каждую контрольную точку стальной лентой.

— Западный склад ведь продолжает работать? — спросил я.

— Только дневная смена. Ночью там дважды исчезало изображение с внешней камеры. Камера исправна, проверяли без подключения к сети.

— Водителя погрузчика туда больше не пускайте.

Механик поднял голову.

— Он просится обратно. Говорит, нечего ему дома сидеть. У него смена.

— Смена не спасёт, если дорога под колёсами начнёт выбирать собственную длину.

Я вышел наружу и прошёл вдоль ограждения. Под ногами лежала пропитанная маслом земля, между двумя плитами росла сухая трава. Ничего необычного. Но стоило прислушаться к работе источника, как стало заметно слабое, почти неразличимое стремление соседних пространственных линий согласовать между собой положения. Ключевой разницы с обычной

магией на первый взгляд не было. В этом и заключалась проблема. Если выбирать цели по яркости всплесков, можно пропустить момент, когда дорога перестанет быть дорогой.

Поставил на краю плиты две независимые воздушные кромки, каждую привязал к собственному участку настоящего грунта. Затем коротко изменил нагрузку на западной стороне. Первый отклик прошёл как положено. Второй пришёл оттуда, где кромки не было. Я разомкнул пробный контур и посмотрел на след в пыли. Воздушный поток слегка подвинул песчинки, оставив настоящую линию. На приборе линия числилась дальше на ладонь.

Ирина наблюдала молча. Потом спросила:

— Это опасно для людей внутри здания?

— Пока только для тех, кто доверяет экрану больше собственных ног. Но распоряжение об остановке ночных смен оставьте в силе.

— Громова будет рада, что хотя бы одно решение вы не отменили.

— Ей не нужна моя похвала, чтобы продолжать правильно работать.

Из цеха вышли двое сварщиков. Один рассказывал другому о неправильной стрелке навигатора, громко и с убедительными подробностями. Услышав мою фамилию, оба замолчали. На секунду возникло неловкое ожидание: сейчас владелец скажет, что всё безопасно, и разгонит слухи.

— Не выходите за бетонные метки, — сказал я. — Если увидите смещение, сообщайте механикам и уходите из сектора. Проверять собственными глазами, куда делась дорога, не нужно.

— А вы разберётесь? — спросил один.

— Если будет за что ухватиться. Поэтому метки и нужны.

Они переглянулись и пошли обратно. Никто не попросил у меня обещания, что больше никто не погибнет. За это я был благодарен: обещания не изменяют пространство. А люди, умеющие выполнять конкретный приказ, иногда изменяют собственные шансы дожить до вечера.

Я оставил цех и направился в мастерскую.

К двум часам я был в мастерской.

Егор и Марина заняли центральный стол, отодвинув всё лишнее к стене. Под потолком висели три прозрачные измерительные рамки, каждая — на отдельном питании. После истории с «НУЛЁМ» я потребовал исключить общие линии для приборов, которые исследуют пространственные нарушения. Слишком много людей уже умерло из-за удобства единого контура.

На столе лежала бумажная карта. Не электронная, не проецируемая. Настоящая, с карандашными отметками и номерами контрольных точек.

— Начинай, — сказал я.

Марина указала на север.

— Вчера в девятнадцать сорок две у трассы исчез участок ограждения. Через одиннадцать минут он появился в сорока метрах, но под другим углом. Сегодня утром на промышленной станции зарегистрировали три выхода существ из разных направлений. А здесь, у водомерного поста, приборы показывают движение энергии при нулевом изменении внешнего поля.

— Три разных события.

— На поверхности. Внутри у них общая последовательность, — сказал Егор и положил рядом ленту с измерениями. — Сначала короткий отказ подтверждения, затем перенос опорного адреса, после чего область пытается собрать новый маршрут.

Я сравнил три записи. На каждой после первого провала шли две близкие по длительности ступени. Разница в амплитуде была огромной. Время почти совпадало.

— Записи независимые?

— Разные приборы, разные операторы, отдельные источники питания. Мы получили сырые данные, не сводные отчёты. И ещё кое-что, — Марина открыла четвёртую папку. —

После водосброса на этом направлении установилась нормальная граница. Три контрольных поста подтверждают: нагрузка туда не возвращалась.

Это было важно. Мы с Александрой не переложили проблему в соседнюю яму. Наш способ работал. Просто снаружи оставалась куда более крупная система, и та, похоже, не собиралась ждать, пока мы внимательно дочитаем инструкцию.

— Что говорят военные?

— Волков запросил встречу. Ратников уже перекрыл часть дорог. Население пока не эвакуируют: граница не приблизилась к жилью.

— А кто решил, что она не приблизится за час?

Егор посмотрел на меня.

— Поэтому и позвали.

Следующие два часа мы не строили великих теорий. Проверяли датчики, которые можно проверить. Отбрасывали измерения с общей ошибкой. Сопоставляли физические ориентиры с электронной картой. Дважды приходилось возвращаться к началу: один из постов принял отражённый сигнал за самостоятельный выход энергии.

Марина поймала эту ошибку по положению старого железнодорожного моста. На записи он находился одновременно по обе стороны от контрольной точки. Мост не мог переместиться вместе с четырьмя опорами фундамента и остаться целым. Значит, переместился адрес, по которому датчик искал мост.

— Не связывайте ничего через центральный узел, — сказал я. — Пока не знаем его роли, трогать нельзя.

— Мы и не собирались, — ответила Марина. — Но у меня есть вопрос. Если все эти участки начинают договариваться между собой, что произойдёт при появлении новой общей опоры?

— Сначала поймём, откуда они берут подтверждение.

Егор сохранил модель. Мы получили карту нескольких повреждённых линий и не получили ответа на главный вопрос.

К вечеру позвонила Громова.

— Демьян Павлович, мы возобновили две линии. Третью пока не запускаю. Датчики на площадке дают несогласованные координаты машин.

— Людей выведи из зоны погрузки. Отдельно проверь въезд и задний периметр. Никаких попыток «исправить» данные программой.

— Уже сделано. Но возникла другая проблема. Страховщики требуют подтверждения, что новые сбои не связаны с прошлым инцидентом.

— Связаны.

— Я так и предположила. Хотела услышать, насколько серьёзно.

Посмотрел на карту перед собой.

— Достаточно, чтобы прекратить спор об убытках, пока не выясним, что именно происходит. Работникам оплатить простой. Машины оставить на независимых стоянках.

— Принято.

Она не спросила, когда всё закончится. Умная женщина. Я потому и держал её во главе компании, что она предпочитала сделать нужное, а не требовать невозможных обещаний.

Когда разговор закончился, я вышел из мастерской и проехал на север от города к испытательной площадке. Там стояли три старых ангара и несколько сотен метров укреплённого грунта. Полигон был окружён защитой, рассчитанной на мои нагрузки. В отличие от академического, его построили с пониманием, что восстановление оборудования стоит денег.

Поднял четыре независимые плоскости. Каждая получила собственную опору и отдельное назначение. Одной удерживал неподвижную точку, второй создавал воздушное давление,

третьей выводил избыток энергии в заготовленный гаситель, четвёртой перемещал каменную метку по узкой дуге.

На шестой ступени все четыре действия шли без очереди. Но теперь я начал менять не мощность, а условия. Первая опора теряла адрес. Вторая получала ложное подтверждение. Третью пытался включить в чужой контур. Сначала ошибки возникали по заранее известному расписанию. Затем переключил генератор на случайную последовательность.

Две минуты всё работало ровно.

На третьей одна из плоскостей дёрнулась, и каменная метка ушла вправо на ладонь. Я остановил опыт. Не из-за недостатка силы — из-за собственного внимания. Пока следил за ложным подтверждением на первой ветви, слишком поздно заметил изменение третьей.

Источник позволял вести больше задач, чем я успевал осмыслять.

Никакой магии, которая заменит голову. Неприятно, зато честно.

Повторил опыт, заранее назначив каждой конструкции простое правило отказа. Если адрес меняется без моего подтверждения — замри. Если связь пытаются переназначить — откажи. Если гаситель переполнен — сбрось нагрузку в безопасный объём, не затрагивая соседей.

На этот раз плоскости не дрогнули.

Я закончил поздно. Город за воротами выглядел совершенно обычно: мокрый асфальт, желтоватые окна, грузовик возле круглосуточного магазина. Люди покупали хлеб, ругались из-за парковки, смотрели новости. Их мир ещё держался на месте.

В мастерской сообщили о новом отклонении. Я собирался ответить, когда телефон зазвонил снова.

Волков.

— Ильин, ты видел материалы по военному объекту?

— Только общие сведения.

— Тогда слушай. Исследовательская группа находилась внутри закрытого сектора. Шесть человек. Смена охраны видела, как они вошли в технический корпус. Через двадцать минут исчез проход. Сейчас здание на месте, но двери ведут не туда, куда должны.

— Выходы проверяли физическими метками?

— Да. Два маршрута замыкаются. Третий выводит к старому ангару, которого на территории нет сорок лет.

— Ратников там?

— Командует внешним периметром. Он просил связаться с тобой.

— Не надо просить. Передай координаты безопасного подъезда и последние записи постов. Я приеду утром.

Волков помолчал.

— У группы может не быть времени до утра.

— Тогда выезжаю сейчас.

Он назвал время встречи. Я записал на бумаге. После чего проверил снаряжение, резервные накопители и карты. Положил в багажник обычный металлический ломик. В мире, где направление менялось по желанию разлома, добрый кусок железа иногда сообщал о реальности больше, чем лаборатория за несколько миллионов.

Перед выездом позвонил Егору.

— Отправляй Ратникову нашу проверенную модель. Без гипотез и красивых стрелок. Я хочу видеть только те линии, за которые готов отвечать.

— Понял. А ты?

— Еду за людьми.

Это было точное описание задачи. Живые специалисты знали, что произошло внутри. Мёртвые оставили бы нам только записи. Я предпочитал первый вариант.

На северной трассе пошёл дождь. Дорога блестела в свете фар. После полуночи встретился первый закрытый участок: военный броневик, два фонаря и бетонные блоки. За ними начиналась территория, по которой ночами перестали ездить даже местные водители.

Дежурный проверил пропуск. Показал на контрольную рамку.

— Проверка ранга обязательна для всех въезжающих.

Я вышел из машины.

— Проверяй.

Прибор привычно показал третью ступень. Молодой сержант сначала посмотрел на экран, потом на список прибывающих специалистов. Узнал фамилию. Подписал допуск без лишних вопросов.

За шлагбаумом воздух пах мокрой землёй и дизельным топливом. Где-то далеко протяжно завыла тревожная сирена. Следом прошёл низкий удар, похожий на звук огромной двери, которую с размаху закрыли внутри горы.

Я выключил музыку.

Ночь только начиналась.

Глава 2. Мёртвый маршрут

Ратников встретил меня у второго кольца оцепления. На карте его территория выглядела как небольшой военный исследовательский объект: три корпуса, подземное хранилище, ремонтный ангар и четыре километра служебных дорог. В действительности из-за бетонного ограждения было видно пять зданий. Два из них стояли на одном и том же месте, только под разными углами.

— Когда появилось второе? — спросил я.

— В двадцать три десять. Первое никуда не делось. Наши проверили стены, фундамент, внутренние лестницы. Снаружи оно отдельно. Внутри обе двери выходят в один коридор.

Он протянул планшет. Там находилась запись с нагрудной камеры солдата. Человек проходил через северную дверь, поворачивал направо, оказывался у помещения с аварийным генератором. Возвращался назад — и выходил не с северной, а с восточной стороны здания. Время записи шло нормально. По показаниям спутниковой системы он никуда не перемещался.

— Вы прекратили попытки?

— После того как один боец вышел из двери, которой не было. Он вернулся целым, но шесть минут не мог вспомнить собственный позывной. Не хочу проверять, сколько ещё выдержат остальные.

Нормальное решение.

— Исследователи?

— Шестеро. Руководитель — доктор Коваль. Двое магов третьей ступени, один второй. Остальные технические сотрудники. В момент сбоя находились у измерительного блока под третьим корпусом. Последний голос получили в двадцать один сорок. Слова записаны.

Он включил звук.

Женщина говорила быстро, но вполне отчётливо:

«Пятый маркер вернулся. Мы его не устанавливали. Запрещаю подключать общую шину. Повторяю: пятого маркера здесь не должно быть».

Треск. Мужской голос: «Он снова здесь».

Затем чей-то сдавленный крик, щелчок и тишина.

— Где находится измерительный блок?

Ратников ткнул в план.

— По нормальной схеме — здесь. Сейчас один выход показывает его на нижнем этаже склада, второй — под старой котельной. Котельную снесли ещё при моём отце.

— Значит, нужен настоящий ориентир. Что у вас не менялось с момента аварии?

Ратников показал на полоску металла, натянутую вдоль внутренней дороги.

— Стальной трос. Крепили через каждые двадцать метров к глубинным анкерам. Сварщики работали всю ночь. Верхние крепления дважды меняли положение. Анкеры оставались на месте.

Я проверил один. Длинный прут уходил в плотный материковый слой. Узел пытался показать мне одновременно три его положения, но нагрузка держалась на настоящем куске металла. Хорошо.

— Трос не снимайте, — сказал я. — Всех людей с внутреннего круга вывести за запасной пост. Оставить наблюдателей у трёх контрольных точек. Никаких поисковых групп за мной.

— Я выделю отделение прикрытия до первого корпуса.

— До первого — можно. Дальше они будут мешать друг другу. Складки начнут использовать их метки как дополнительные опоры.

Он не стал спорить. Связался с дежурным, изменил приказ, потребовал записать новую схему в бумажный журнал. Вокруг уже работало несколько десятков человек. И каждый занимался своим делом. После ночных потерь никто не изображал героев ради красивого отчёта.

По дороге к первому корпусу Ратников показал мне место, где ночью пропала разведка. Там лежали четыре метра армейского кабеля, изогнутые так, будто их резко потянули по земле. Ни следов крови, ни гильз. На конце кабеля сохранился зажим, которым его крепили к настоящему металлическому штырю. Штырь не сдвинулся.

— Они передали два отчёта, — сказал подполковник. — Сначала подтвердили вход в служебную галерею. Через минуту сообщили, что вернулись на исходный пост. Дежурный смотрел в этот момент прямо на ворота. Никого не было.

— Сколько человек?

— Четверо. Два опытных, двое недавно переведённых. По каналу шла одна и та же команда: проверить дверь и не заходить внутрь до подтверждения.

— Они заходили?

— Камера не показала. Это единственное, в чём я уверен.

Я опустился на колено и провёл ладонью над зажимом. Металл остался в том положении, куда его установил человек. Около него располагался слабый пространственный шов, уже почти закрывшийся. Не портал. Скорее след от попытки объяснить, что неподвижный предмет находится сразу в двух местах.

— Их позывные ещё активны? — спросил я.

— Один передаёт каждые двенадцать минут. На старой частоте, которую мы отключили. Голос принадлежит командиру группы, но содержание одинаковое: «На месте, ждём разрешения». Если отвечаем, приходит другой голос, хотя запись первого никуда не исчезает.

— Вы перестали отвечать?

— После второго раза. Я не намерен выдавать людей за подтверждение любой херне, которая умеет подражать знакомому человеку.

Вот за это Ратникову можно было доверить внешний периметр. Не за орден и не за красивые речи. За способность принять неприятный факт и не сделать его поводом для ещё одной ошибки.

Мы поставили рядом механическую метку и повторили положение кабеля. В обычном магическом восприятии проход был пуст. Если подать в него два одинаковых импульса подряд, второй возвращался чуть раньше первого. Ни одно живое существо так не отвечало, но система прекрасно справлялась с фальшивым подтверждением.

— Здесь никто не должен стоять, — сказал я.

— Сектор закрыт.

— Закрыт знаками. Теперь закройте и физически. Поднимите барьер так, чтобы даже при неправильной команде патруль упёрся в бетон до этого места.

Ратников вызвал инженерное отделение и указал расстояние. Солдаты уже тащили блоки от ближайшего грузовика. Ни вопросов, ни споров. Несколько человек смотрели на опасный участок с неуместным желанием узнать, что там произошло. Подполковник отправил их работать у санитарной машины.

У входа в первый корпус мы встретили пожилого техника с разбитым носом. Врач накладывал ему повязку, а тот пытался объяснить офицеру, что сам вышел через дверь, которую прежде закрывали бетонной плитой.

— Покажи, — попросил я.

Техник вытянул левую руку и указал не на ближайшую дверь, а на совершенно обычное окно у второго этажа.

— Там был проход. Я его видел, клянусь.

— Не клянись. Скажи, где стояли ноги, когда решил идти.

Он указал точку на земле. Мы промерили расстояние до здания тросом. Оказалось, от этой точки до окна девять метров, а до ближайшей двери четыре. По записи техника дверь находилась там, где в действительности было окно. Кто-то переназначал выходы, не двигая самих стен.

— Других в том коридоре видел? — спросил я.

— Двоих. Один кричал, чтобы мы шли на голос. Потом голос стал доноситься из стены. Я не пошёл.

— Поэтому и жив, — сказал Ратников.

Техник промолчал. У него дрожали пальцы, но на лицо эта дрожь почти не выходила. Он не пытался изображать героя. Просто сообщил маршрут, который, возможно, спасёт следующих.

Я записал его показания на бумажную карту и отдал Ратникову. Никаких отметок в общую компьютерную сеть до повторной проверки. Из этой аварии уже получилось достаточно ложных маршрутов. Пусть у нас хотя бы документы остаются настоящими.

Я прошёл под закрытой рамой ворот. Первым делом проверил воздух, камень, металл и собственный источник. Обычная магия откликалась. Пространственная структура отвечала странно: при попытке измерить расстояние до дверей датчик сперва показывал сорок метров, затем восемнадцать, потом снова сорок.

Расстояние по тросу оставалось неизменным.

Шёл, не сокращая маршрут. В прежней профессии я давно усвоил: на неизвестной территории выгоднее потратить лишние минуты на проверку, чем секунды на удивление перед чужим оружием.

У первой арки по земле прошла тонкая чёрная полоса. Она не отбрасывала тени. Через несколько мгновений стала шире, и наружу полезло существо, напоминавшее большую собаку, если у собаки удалить кожу, добавить суставов и научить её двигаться боком.

Я не ускорялся. Срезал голову узкой воздушной плоскостью ещё до того, как тварь окончательно выбралась. Остаток тела дёрнулся. Край разрыва попытался захватить кровь как новую опорную метку. Я запечатал складку каменным кольцом, а органику вместе с кусками асфальта сжёг коротким огненным потоком.

Открытие не повторилось.

Существо было обычным следствием сбоя, не его причиной.

Северный корпус встретил меня сухим запахом старой краски. Дверь висела на верхней петле. Внутри всё выглядело целым: мебель, указатели, разложенные на столе инструменты. Только лестница спускалась туда, где этажи должны были закончиться.

По стене мелом была проведена линия. Три горизонтальные черты и одна короткая вертикальная. Военные. Не доверяли номерам комнат, отмечали маршрут вручную. На втором

пролёте такая же отметка повторилась. Пыль возле неё была другой. Там успели пройти люди, а здесь давно никто не ступал.

Я достал из кармана маленькую гайку и бросил вниз. Металл ударился о ступень, покатился. На пятом обороте звук повторился сзади. Гайка вышла из складки над моей головой и упала в руку.

Значит, петля.

У лестницы были две опоры: бетонное тело и навязанный ему адрес. Пространство заставляло человека выбирать второй, потому что тот выглядел привычным продолжением. Я закрепил первую опору напрямую на скальном основании и повёл по ней тонкую земляную пластину. Лестница на мгновение двоилась. Затем лишний пролёт исчез.

Под ногами остались тринадцать настоящих ступеней.

Внизу раздался выстрел.

Не попытка вызвать помощь. Очередь из автоматического оружия, пять или шесть коротких хлопков, затем крик мужчины.

Я ускорился. Воздушная связка приняла массу тела, ноги оттолкнулись от ступеней, и через долю секунды я уже стоял в техническом коридоре.

Передо мной двое сотрудников в защитных куртках пытались закрыть дверь. Между ними лезло нечто с длинными, сегментированными конечностями. Его передняя часть напоминала раскрытую металлическую ловушку, только зубцы были живыми и двигались независимо. Из боковой складки появлялась ещё одна тварь. Человек справа держал пистолет, но целился слишком низко — руки дрожали.

Воздух срезал первые четыре конечности. Я шагнул к двери и ударил ладонью по корпусу существа. Усиленные пальцы прошли через плотную оболочку. Внутри что-то лопнуло, и тварь сложилась пополам. Развернулся, поднял каменную плиту из пола и сплющил вторую прежде, чем она успела выйти полностью.

Кровь расползлась по стене. Один из сотрудников выронил пистолет.

— Живы? — спросил я.

Он кивнул. Второй, более пожилой, держал левую руку прижатой к груди.

— Сколько вас?

— Четверо здесь. Коваль… она там, в измерительной. С нами ещё был Осипов. Его забрали.

— Кто?

— Не знаю. Дверь закрылась. Он оказался с другой стороны. Мы видели его через стекло, потом стена исчезла.

— Раненые есть?

— У меня ключица. У Гриши нога.

— Сядьте и не мешайте мне смотреть.

Поднял защитную дугу над коридором, отрезал обе стороны от случайных пространственных выходов. Проверил пульс у раненого, остановил кровь на ноге Гриши простым давящим жгутом. Медицина в моей жизни никогда не заменяла здравый смысл: рану можно закрыть магией, но если внутри остаётся грязь и обломки, потом придётся заниматься последствиями.

— Где связь?

Молодой показал на рацию, лежавшую возле металлического шкафчика. Я проверил её по обычному проводному выходу и вызвал Ратникова.

— Нашёл двоих. Оба живы. Один с повреждением ключицы, второй с раной ноги. Есть ещё сотрудники ниже. Подготовь медиков у северной линии.

— Принял. Ваше положение?

— Физически под первым корпусом, пространственно — не определено. Ориентир — анкеры троса у внутренней дороги. Дам отдельную метку.

Отправил по стальному креплению три коротких импульса. Снаружи подтвердили приём. Теперь у нас был настоящий путь, а не обещание датчика.

У пожилого оказался пропуск с фамилией Савельев. Сотрудник обслуживал измерительную аппаратуру, не воевал никогда. Несмотря на это, сумел прикрыть раненого и не бросил оружие до последнего момента. Полезный человек.

— Показывай, где остальные, — сказал я.

Он провёл меня к стеклянной двери. За ней горел аварийный свет. В центре комнаты, между двумя сорванными с креплений стойками, сидела женщина с повязкой на виске. Перед ней лежали три накопителя, соединённые обычными медными проводами.

Коваль.

Она увидела меня и сразу подняла руку, требуя остановиться.

— Не открывайте. Вы войдёте в другой отсек.

Я проверил стекло. На поверхности существовали две точки выхода, причём одна приходилась на место, где должна была находиться дверь. Если открыть, пространство назначит наш коридор частью ложного. Сами исследователи могли оказаться отделены навсегда.

— Что удерживаете? — спросил я через стекло.

— Источник пятой метки. Она подключилась к нашей шине без разрешения. Мы разорвали питание, но схема продолжает получать подтверждение извне.

— Откуда?

— Не знаю. Здесь появился адрес, которого нет ни на одном плане. Он повторяет собственное подтверждение, как будто кто-то проверяет, заметили ли мы изменение.

Её лицо было белым от потери крови. Но говорила спокойно. Пальцы не дрожали. Умела работать.

— Сколько людей с вами?

— Я и техник Рябов. Осипов исчез за внутренней дверью. Ещё один погиб при первой деформации.

Шесть человек. Двое у меня, двое за стеклом, один пропал, один мёртв. Арифметика сходилась.

— Удерживайте нынешнюю схему. Не отключайте ничего до моего сигнала. Я сделаю внешний контур.

— У вас есть подавитель?

— Нет. У меня есть способ запретить этой стене менять своё положение.

Поднял первую опору за пределами здания. Вторую привязал к металлическому тросу, который уходил через фундамент на настоящий грунт. Третью сформировал на старой бетонной плите. Каждая держалась независимо. Затем отделил ложный адрес двери от материальной структуры стены.

Пространство сопротивлялось. Не давлением. Попыткой убедить меня, что оба положения одинаково действительны. Я не стал спорить. Оставил существовать оба, но разрешил физический проход только через то, которое было связано с фундаментом.

— Сейчас, — сказал я.

Коваль отключила первую из трёх своих связок. Ложная дверь потеряла опору. Я вывел стекло в безопасный объём и открыл настоящий проход.

В этот момент из потолочной складки хлынули твари.

Сразу шесть. Две крупные, четверо помельче. Не стая, а словно один маршрут, выдавший всё, что успело накопиться за преградой.

Одну крупную разорвало воздушным ударом ещё в воздухе. Вторую прожёг узким огненным потоком, не задевая стол с накопителями. Мелкие попытались разойтись по сторонам, но

там уже стояли мои самостоятельные каменные пластины. Трое ударились о них и превратились в куски мяса. Четвёртая успела прыгнуть к женщине.

Я перехватил её за шею, пока когти не опустились. Сжал, усиливая пальцы и запястье. Хрустнул позвоночник. Тело дёрнулось, обрызгав рукав густой тёмной кровью.

— Двигайтесь, — сказал я людям. — По меткам. Без остановок.

Савельев помогал Грише. Коваль держала Рябова под руку: тот плохо видел после удара по голове. Я провёл их по настоящей лестнице, каждые несколько шагов обновляя привязку к материальному основанию. Пространственная схема пыталась сменить адрес дважды. Я запретил оба перехода, не позволяя нагрузке уйти в соседние здания.

У выхода нас встретило отделение Ратникова. Солдаты не побежали внутрь, не стали задавать вопросы. Приняли раненых, проверили имена и повели к медикам.

— Пятый где? — спросил Ратников.

— Исчез за внутренней дверью. Шестой погиб. Ещё проверю нижний сектор, но людей отведите.

Он посмотрел на мои рукава.

— Это твоя кровь?

— Нет.

Больше вопросов не последовало.

Коваль сидела у санитарной машины, когда я подошёл к ней за записями. Врач пытался заставить женщину лечь. Она отказывалась, пока не убедится, что накопители извлечены.

— Отдайте журналы, — сказал я. — Пойдёте на обследование.

— У нас там остался Осипов.

— Знаю. Сначала — записи. Мне нужна его последняя настоящая позиция.

Она протянула мне тонкий блок памяти, защищённый механическим замком. На бумажной ленте была последовательность из четырёх изменений: отказ, повтор, перенос, подтверждение. Затем всё повторялось снова, хотя нагрузки на шину уже не было.

Случайная авария не должна аккуратно воспроизводить свою первую ошибку.

Перед возвращением в корпус я попросил Коваль перечислить все закрытые двери нижнего сектора. Не номера на электронной карте, а физические замки, механические ручки, расположение петель. Она говорила быстро и без лишних описаний. На третьем пункте остановилась.

— Один шлюз вёл к помещению без оборудования. Мы держали его пустым, потому что там проходили резервные кабели.

— Кто последний заходил?

— Осипов. За двадцать минут до первого отказа.

— Мог оставить открытым?

— Не мог. Замок автоматически закрывается после выхода. Я проверяла его утром.

— Значит, ищем не человека, который забыл закрыть дверь, а место, куда эта дверь теперь ведёт.

Ратников положил передо мной фотографию погибшего инженера. Человек лет сорока, обычное лицо, рабочий халат. В личном деле значилось, что последние годы он занимался безопасностью лаборатории. Никакой пользы для текущей задачи от этого не появилось. Но я спросил, не передавал ли он предупреждений до гибели.

— Передал, — ответил подполковник. — Потребовал не включать резервную шину. В журнале его сообщение отмечено уже после того, как систему отключили.

— Значит, чьё-то время здесь идёт в другом порядке.

Из здания снова донёсся короткий низкий звук. Снаружи он был похож на удар по большой трубе, но бумажная лента осциллографа зафиксировала изменение за несколько мгновений до звука. Я проверил расстояние до места возникновения и убедился: это не обычное

запаздывание. Два независимых поста получили ответ раньше, чем из помещения пришла сама нагрузка.

Мне не нравилось, что аномалия могла пользоваться событием, которое ещё не произошло снаружи. Впрочем, это не делало её всемогущей. Она знала только те действия, которые мы соглашались считать частью общей цепочки. Если перестать принимать подсказки о собственной будущей позиции, можно сохранить свободу выбора хотя бы на следующий шаг.

— Никому не передавать мои маршруты через внутренние сообщения, — приказал я. — Даже если услышите, как я сам прикажу открыть дверь. Проверка только по внешнему физическому сигналу.

Ратников подтвердил. Я оставил ему два отдельных механических штифта: один для настоящего выхода, другой для сообщения об отказе. Позиции не перепутают даже при полном прекращении радио. И только после этого отправился вниз за пропавшим техником.

Я вернулся к третьему корпусу один.

На нижнем этаже не осталось ни одного обычного входа. Лестница кончалась у стены, под которой по-прежнему слышался низкий гул. Я провёл по грунту узкий импульс и обнаружил полость, не совпадавшую ни с фундаментом, ни с известными помещениями. Там находился металлический предмет длиной чуть больше человеческого тела. Рядом — слабый жизненный отклик.

Осипов.

Перекрывать большую складку не стал. Вместо этого создал внутри неё небольшой неподвижный объём и вытянул его к настоящей стене. Изменить положение самой полости аномалия ещё могла, но убрать мой объём без передачи нагрузки наружу — уже нет.

В камне открылось отверстие.

Техник лежал под опрокинутой стойкой. Тяжёлое повреждение ноги, обезвоживание, почти полная потеря сознания. Увидев меня, он попытался поднять голову.

— Не шевелись.

Я срезал крепёж, отогнул раму, осторожно освободил человека. Дал обезболивающее из собственного набора и наложил жгут выше повреждения. Затем перенёс его в защищённый объём и вывел к лестнице.

У самого выхода полость дёрнулась. Пространство попыталось вернуть прежний адрес, как будто поняло, что из него забирают нужную вещь.

Я остановился. Зафиксировал четыре отдельные точки вокруг человека. Пятая попыталась появиться сама, прямо между ними. На миг увидел её структуру: не канал энергии и не обычный пространственный шов. Небольшой узел подтверждения, который не принадлежал ни одному из моих контуров.

Он повторил форму ближайшей опоры. Потом другой. Затем начал искать третью.

— Сука, — сказал я тихо.

Отрезал его от всех своих связок, оставив внутри пустого объёма. Скопление энергии попыталось замкнуться на старое помещение. Я позволил ему это сделать и за пределами человеческого маршрута разрушил собственную временную конструкцию. Ложный узел ушёл вместе с ней в глубину.

Перед самым выходом полость ещё раз попыталась вернуть лестнице прежний адрес. На стене проступила тёмная узкая щель, а из неё высунулась костяная лапа. Я перехватил её воздушной кромкой, отрубил у основания. Вслед за лапой показалась голова с широкими челюстями. Ударил по ней усиленной ладонью и вдавил в камень, пока не хрустнул череп.

Не задержался для осмотра. Осипову требовалась медицинская помощь, а помещение уже получило достаточно чужих подтверждений. Проложил к наружной лестнице отдельную каменную линию, не связанную с внутренней геометрией.

Техник пытался что-то сказать через маску. Уловил только обрывки слов о шкафе с резервным питанием. Я запомнил место. Вернёмся туда только после проверки, а не ради обещания человеку, который сейчас плохо понимает собственное положение.

На последнем пролёте услышал голос, похожий на Коваль: «Ильин, откройте вторую дверь». Не остановился. Вторая дверь выводила в пустую шахту. Настоящая Коваль находилась снаружи. Система снова пыталась сделать удобный приказ частью нашего маршрута. Не получилось.

На последних ступенях уже чувствовался обычный наружный воздух. После нескольких минут среди ложных стен его запах почти раздражал своей простотой. Я проверил последнее звено привязки, убедился, что Осипов действительно находится рядом со мной, и только тогда отпустил временную защиту. Прибор не успел сделать ничего полезного. Зато санитарная машина стояла именно там, где должна была стоять.

На поверхность мы вышли без новых сюрпризов.

Врач забрал Осипова. Ратников организовал дополнительный барьер вокруг комплекса и приказал никого внутрь не пускать. Я передал ему карту настоящих проходов, выделив одну безопасную лестницу. Остальные велел считать уничтоженными до повторной проверки.

Во внешнем штабе связисты показали мне сообщения, которые приходили из закрытого корпуса после начала поисков. Их было семь. На первый взгляд обычные запросы: «нужна помощь», «укажите выход», «здесь двое раненых». Только время оказалось неправильным. Три сигнала приходили с позывного, который пользовался в тот момент другой группой; один повторял фразу, ещё не произнесённую по открытому каналу.

— Вы отвечали? — спросил я.

Старший связист покачал головой.

— После первого случая ввели контрольный вопрос. Пароль меняли через каждые пять минут и передавали только по физическому проводу. Ответы из корпуса называли старые значения. Не угадывали ни разу.

— Мог быть записанный голос.

— Мог. Поэтому не отправляли людей. Но там есть ещё кое-что.

Он положил рядом распечатки. Один вызов повторял последние слова доктора Коваль до того, как она оказалась у эвакуационного выхода. На записи женщина просила не открывать дверь. Второй, пришедший позднее, тем же голосом сообщал, что дверь уже открыта.

Внешний пост ничего не знал о нашей работе за стеклом. Электронная система вообще была отключена. Если сигнал поступал через пространственную складку, он мог переносить не только направление. Возможно, и временное положение одного и того же события.

— Записи оставьте без обработки, — сказал я. — Разведите подлинные голоса и неизвестные по разным каналам. Если получите просьбу от человека, которого уже вывели, сразу отметьте.

— А если это будет не просьба?

— Тогда тем более. Здесь нас пытаются заставить принять сообщение за настоящее только потому, что оно похоже на знакомый голос.

Ратников стоял рядом и слушал. Он не задавал вопросов о том, насколько это научно. Ему требовалось знать, что делать с солдатами.

— Периметр держим. Внутреннюю связь не возобновляем до повторного осмотра. Всё, что приходит из отключённого здания, записываем, но приказов оттуда не принимаем, — сказал он связистам.

Офицер продиктовал распоряжение чётко и без суеты. Потом повернулся ко мне.

— У тебя есть шанс определить источник этих голосов?

— Не сейчас. Но если система начнёт повторять события, которые никто ей не сообщал, нам придётся искать не передатчик, а сам путь, по которому туда приходит ответ.

— Значит, люди внутри не обязательно живы, даже когда мы их слышим.

— Именно.

Ратников долго смотрел на корпус. В его подразделении уже потеряли достаточно людей, чтобы он воспринимал любой голос из темноты как повод бежать к двери. Но сейчас правильным решением было оставить эту дверь закрытой.

Коваль всё ещё находилась у санитарной машины. Я показал ей схему пятой метки.

— Она не появилась из вашего оборудования, — сказал я.

— Тогда откуда?

— Пока неизвестно. Но когда я убрал человека, она попыталась заменить мою опору своей. После потери цели ушла обратно.

Коваль задумалась. На лице появилось выражение, которое я слишком часто видел у людей, привыкших иметь дело со сложной техникой: неприятное понимание того, что привычная теория только что стала бесполезной.

— То есть она выбирала?

— Она отвечала на наши действия. Пока достаточно этого.

Ратников подъехал ближе. За ним шёл старший связист с бумажной папкой.

— Ильин, разведка проверила старый ангар. Он появляется на снимках разных лет в одном и том же положении. Но каждый раз там другой номер двери.

— Дальше не лезьте. Возьмите настоящий материал со стены, сфотографируйте и сравните структуру. Цифрам адреса не верить.

— А сам объект?

— Закрыть. И не пытаться уничтожить. Слишком много связей проходят через него.

Через час мы сидели в полевом штабе. Три независимые записи — Коваль, военные, мои собственные измерения — показывали одинаковую последовательность. Время между отказом и переносом изменялось. Порядок оставался прежним.

Ратников смотрел на ленту, не притворяясь, будто понимает каждую научную подробность.

— Это кто-то делает?

— Не знаю. Если я захлопну дверь, она тоже ответит движением. Это ещё не значит, что дверь злая.

— Но то, что за ней, может быть злым.

— Может. Для начала выясним, какая часть умеет открывать.

Мы договорились о простом: объект оставался под охраной. Военные фиксировали изменения физическими средствами и не давали людям входить в повторяющиеся маршруты. Егор и Марина получали копии всех исходных данных. Коваль вместе с остальными проходила лечение, после чего могла дать отдельные показания.

Я уже собирался уезжать, когда связист принёс свежий лист.

— С северного поста. Запись получена в четыре двадцать семь. Сигнал пришёл с закрытого объекта, хотя вся аппаратура там отключена.

На бумаге значились четыре коротких отклонения. Отказ. Повтор. Перенос. Подтверждение.

Та же последовательность.

— Может, остаточная автоматика? — спросил Ратников.

— Может. Только автоматика не должна знать, что мы её выключили.

Сохранил запись и отправил Егору.

На рассвете за оградой стоял пустой старый ангар. На следующем снимке он исчез. На третьем снова появился, теперь на несколько метров ближе к дороге.

Я посмотрел на ряд фотографий и понял, что мы пока изучаем не центр аномалии. Мы смотрим на её следы в тех местах, где она касается нашего мира.

Это существенно меняло задачу.

Глава 3. Вдова

За годы работы Александра Воронцова научилась отличать необходимый риск от чужой глупости. Чужую глупость она предпочитала устранять за отдельную плату.

Заказчик задержал окончательный перевод на сутки. Не по злому умыслу — решил, что можно получить результат, не оплатив последнюю часть работы. Александра отправила ему одно сообщение с номером договора и временем, после которого приостановит подготовку.

Деньги поступили через сорок минут.

Она закрыла банковское приложение и вернулась к плану здания.

Объектом был управляющий закрытой логистической компанией. Его имя не имело значения вне контракта; сотрудники называли его Гранов. Он контролировал несколько складских концессий, подделывал условия расчётов и успел испортить отношения с партнёрами, располагавшими средствами на профессиональное решение проблемы. Александру не интересовало, кто из них прав. Договор был проверен, аванс внесён, ограничения прописаны. Требовалось устранить одного человека и не затронуть его сына, который иногда приезжал к офису.

Она провела наблюдение в течение трёх дней. Не потому, что не могла убить Гранова раньше, а потому что ночное проникновение в хорошо охраняемый комплекс всегда оставляет больше следов, чем привычная ошибка самой цели.

Управляющий жил за городом, ездил на бронированной машине, менял автомобили на служебной парковке и доверял только собственной группе безопасности. Она состояла из шести человек. Двое обладали магией достаточно высокого уровня, чтобы заметить примитивное подавление. Руководитель охраны был не глуп. Регулярно проверял маршруты, не давал водителям останавливаться в случайных местах и лично осматривал новые помещения перед визитом хозяина.

Хорошая работа.

В первый день Александра вообще не приближалась к зданию. Смотрела за его сотрудниками. Во второй проверила расписание поставщиков. В третий убедилась, что Гранов всегда выходит из кабинета на короткую встречу с главным бухгалтером в конце рабочей недели. Не потому, что очень доверяет женщине. Потому что финансовые таблицы не разрешал выносить в электронную сеть.

Перед поездкой она позвонила Борису.

— Проверь резервные пластины. Мне потребуется две чистые линии, без привязки к внешнему питанию.

— Старого комплекта хватит, если не начнёшь давить шестую ступень целиком.

— В этой работе не понадобится.

— А если понадобится?

— Тогда у тебя будет повод сделать новый комплект.

Инженер помолчал.

— У меня он уже есть. С прошлой недели.

Вдова усмехнулась.

— Через час заеду.

Мастерская находилась в обычном ремонтном комплексе. Снаружи стояли машины с открытыми капотами, пахло маслом и горячим металлом. Никто из соседей не пытался угадать, что за дверью старого автосервиса создают оборудование, способное на несколько секунд лишить мага возможности управлять собственным источником.

Борис встретил её у стенда. На столе лежали две пары узких металлических пластин и круглый фиксатор с выступающей механической защёлкой.

— Это что? — спросила Александра.

— То, о чём мы говорили после водосброса. Только не окончательная версия.

Она взяла фиксатор. Вес меньше обычного накопителя. Внутри — три независимых плавающих контакта. Никакого единого управляющего провода.

— Ты убрал общую шину.

— Иначе любое чужое переназначение будет проходить через тебя. На полигоне это давало слабую отдачу. В настоящем разломе можно потерять руки, пока поймёшь, что держишь не свою задачу.

— Испытания?

— Два коротких. На макете с ложным подтверждением. Стабилен сорок секунд. Потом требует обнуления.

— Сорок секунд на природном узле ничего не решат.

— Зато можно будет сменить одну линию, не уронив остальные. Если сумеем передать управление не через твою магию, а по механическому разрешению.

Борис показал защёлку. Простое движение металлической пластины физически размыкало контакт. Не сигнал «выключись», который узел мог попытаться перехватить. Разделение проводника на две настоящие части.

— Ильин использовал похожее решение с каменным штифтом, — сказала Александра.

— Он придумал способ сообщить о готовности. Мы попробуем на этом основании удерживать остаток.

— «Попробуем» — правильно сказано. Не выдавай опытный образец за рабочий инструмент.

Борис не обиделся.

— Поэтому и предупреждаю. А сейчас основная пара. Проверена на обычных магах.

Они провели полчаса у стенда. Александра держала три подавляющие линии и последовательно снимала по одной. Фиксатор безошибочно отделял отключённую ветвь, но на четвёртом цикле начинал нагреваться. Борис отметил температуру и потребовал остановить опыт. Она остановила сразу. Инженер был единственным человеком, чьи просьбы относительно оборудования выполняла без споров, если он называл конкретную причину.

— Для сегодняшней работы хватит, — сказала она.

— Только не путай назначения. Новое устройство не предназначено для живого противника.

— Я помню, что ты мне продал.

— Я тебе ничего не продавал. Ты ещё не заплатила.

— Пришли счёт.

Она положила подготовленные пластины в отдельный футляр, а экспериментальный фиксатор оставила на столе. Нельзя было брать непроверенную вещь на работу только потому, что она красиво выглядела в руках.

Перед выходом на объект Александра ещё раз проверила единственную переменную, которую нельзя было изменить силой: присутствие людей, не входивших в договор. По пятницам в соседнюю комнату приезжал сын управляющего. Парень интересовался не бизнесом отца, а коллекцией старых машин, которую тот держал в подземном боксе. Сегодня он должен был остаться в университете. Александра получила подтверждение из двух независимых источников и всё равно оставила отдельный наблюдательный канал на парковке.

Её клиент рассчитывал на безупречный результат, а не на публичную бойню. Она тоже. Выход с объекта после гибели нескольких лишних людей всегда приносил новые вопросы. Дополнительные трупы не облегчали работу, только превращали точный контракт в хаотическую расправу.

На парковке с первого дня стоял человек в серой куртке. Не охранник управляющего: обращался с телефоном слишком небрежно и ни разу не приближался к служебным машинам. Александра отнесла его к внешнему наблюдению, возможно — частному детективу одного из

партнёров. На четвёртый день он исчез. Кто-то уже пытался выяснить маршруты Гранова и, вполне вероятно, нанял другого исполнителя.

Это не меняло задания, но влияло на время. Александра перенесла выход с позднего вечера на конец рабочего дня, когда внимание охраны распределялось между служащими, автомобилями и посетителями. Перед входом проверила внешние камеры, маршруты двух сотрудников и место, откуда можно было видеть главные ворота. Серого наблюдателя не оказалось. На случай его возвращения путь отхода не проходил ни через одну из используемых им точек.

Затем она убрала телефон с рабочими фотографиями в отдельный экранированный футляр. Привычка начинать движение без лишнего груза в руках пережила десятки контрактов и ни разу не подвела.

Перед началом операции Борис ещё раз позвонил по защищённой линии. Не для того, чтобы пожелать удачи.

— Проверил последний сброс, — сказал он. — На пластине осталось двадцать процентов резервного ресурса, но обратный путь цел. Если охрана использует внешний усилитель, подавление может дать отражённый ответ.

— Знаю. Не собираюсь держать чужой источник дольше нескольких секунд.

— А если противник попытается заблокировать первый вход?

— Второй маршрут уже готов.

— Я не спрашивал о маршруте. Я спрашивал о способе снять пластину с защиты.

Александра посмотрела на снимок с последнего наблюдения. Над дверью переговорной находился маленький датчик присутствия. Его считали частью охранной системы, но электрический провод от него шёл в обычный распределительный шкаф. Подавитель здесь был избыточным инструментом. Достаточно не выдавать собственное присутствие раньше времени.

— Снимать не придётся, — сказала она. — Пока владелец не включит щит, система будет видеть его же допуск. Я вмешаюсь только после его первой реакции.

— То есть позволяешь ему обнаружить угрозу?

— Позволяю принять решение, которое уже учтено.

Борис не стал спорить. Он знал: опасный противник редко ведёт себя так, как требует удобная схема, но даже его свобода выбора ограничена целью и положением тела. Александра много лет строила работу именно на этом.

— После контракта заедь, — сказал инженер. — Хочу показать запись с водосброса, которую прислали независимые наблюдатели.

— Ты получил разрешение?

— Только обезличенные измерения. Никаких данных источника Ильина. На остальное не претендую.

— Правильно. Доступ к чужим секретам даёт больше работы, чем пользы, если люди однажды решат спросить, откуда они у тебя.

Она отключила связь. Ещё раз проверила часы. До назначенного выхода оставалось достаточно времени, чтобы не спешить.

На улице постепенно темнело. К подъезду подъезжали автомобили с сотрудниками, охрана проверяла номера, у центральных дверей курили двое курьеров. Александра наблюдала за всем этим из машины, не фиксируя взгляд ни на одном конкретном человеке. Подобное ожидание не было скучным. В нём решалась большая часть дела: кто опоздал, кто сменил привычный маршрут, кто остался на месте, хотя должен был уйти.

Когда управляющий поднялся на свой этаж, она увидела, что у служебного входа появился новый охранник. Он проверил замок, оглядел коридор, потом ушёл в сторону лестницы. Человек работал аккуратно. Его присутствие сдвинуло начало операции на четыре минуты.

Александра дождалась, пока он закончит обход.

Только после этого вышла из машины.

На противоположном тротуаре она отметила человека, которого не было в штатной схеме охраны. Он вышел из серого микроавтобуса, прошёл по тротуару мимо главных дверей и вернулся, не заглянув в телефон ни разу. Дважды проверил отражение в витрине. Так проверяют не собственную причёску, а тех, кто идёт за спиной.

Новый наблюдатель мог работать на заказчика, на одну из сторон конфликта или на самого Гранова. Александра не любила неизвестных переменных, но и не считала каждый странный взгляд поводом убивать свидетеля. Сначала выясняют задачу человека, затем решают, мешает ли он.

Она остановилась у киоска, купила воду и увидела отражение микроавтобуса в стекле. Наблюдатель говорил с водителем. Водитель кивнул в сторону центрального входа, но не смотрел на служебную галерею. Значит, пока внимание сосредоточено на людях, которые могли войти открыто.

Александра обошла соседнее здание с другой стороны. На пожарной лестнице шумел кондиционер, и поверх гудения слышались шаги двух сотрудников. Один рассказывал, что начальник опять задержал выплаты подрядчикам. Второй обещал после расчёта уйти к конкуренту. Люди редко замечают чужое присутствие, если заняты собственной работой и собственными проблемами. Вдова не проверяла это с помощью магии. Достаточно было опыта.

Перед технической галереей она ещё раз оценила положение входов. Если внешнее наблюдение случайно обнаружит её, уходить надо не к машине, а через корпус обслуживания, где две лестницы выводят на разные улицы. Внутренний щит там слабее, чем у Гранова, зато в коридоре постоянно проходят служащие. Начинать там перестрелку не станет даже охрана, пока не получит приказ.

Зазвонил телефон подрядчика. Она не взяла. На экране высветилось короткое сообщение от Бориса: «Пластина держит штатную нагрузку. Предел прежний». Ответила одним словом: «Принято».

За следующие пять минут удалось уточнить ещё кое-что. На третьем этаже открыли боковое окно, а двое охранников спустились курить раньше расписания. Один увидел её издалека, но не задержал взгляд. Для него она была женщиной с деловой папкой, идущей к соседнему офису. Никакого объекта для проверки.

Она двигалась не в расчёте на удачу. Каждый раз оставляла себе возможность остановиться, уйти и повторить попытку в другой день. Контракт был выгодным, но не настолько, чтобы ради него подарить Гранову случайный шанс. Когда обе внешние двери закрылись за сотрудниками, Вдова вошла на территорию комплекса.

К офису Гранова Вдова подошла в половине шестого вечера.

Ни один охранник её не остановил. Не было необходимости. Александра выбрала техническую галерею между двумя соседними корпусами, куда доставщики приходили менять противопожарные фильтры. По плану там стоял обычный магнитный замок и контрольная камера. Замок открылся штатным сервисным ключом, купленным у человека, который понятия не имел, для чего он понадобился. Камеру она не глушила: её маршрут приходился на слепую область, уже существовавшую из-за неправильной установки оборудования.

На третьем уровне здания работал независимый щит. Рядом находился датчик источников. Любое грубое подавление выдало бы присутствие чужого мага.

Александра прошла без магии.

Она оказалась в служебном коридоре за несколько минут до выхода бухгалтера. Та появилась ровно в назначенное время, открыла дверь переговорной и занесла внутрь папку. Следом прошёл Гранов. Он остановился у порога, выслушал что-то по внутреннему телефону, отпустил сопровождающего.

Кабинет защищали двумя слоями: автоматическим и личным. Автоматический снимался при входе владельца, чтобы его собственная защита не создавала ложных тревог. Хорошая система, если противник обязан ломиться через главный вход.

Вдова дождалась, когда дверь закроется.

У стены находился старый кабельный канал, отремонтированный год назад. Один из его болтов был заменён на крепёж другого размера. Через эту точку проходила тонкая управляющая линия аварийного отключения дверей. Александра закрепила на ней одноразовую пластину и замкнула только обратную связь. Не систему целиком. Лишь подтверждение, которое сообщало охране, что кабель находится под контролем.

Сигнал на посту остался зелёным.

Она вошла через соседнее служебное помещение. Гранов стоял у окна переговорной, держа в руке лист с цифрами. Бухгалтер сидела за столом. Услышав движение, оба повернулись.

— Кто вы? — спросил управляющий.

Его личный щит включился мгновенно. Хорошая реакция. Следом он попытался вызвать охрану.

Александра подняла два пальца. Первая пластина запретила внешнему щиту принять подтверждение о новом положении цели. Вторая отделила связь с тревожной кнопкой. Она не отняла у него силу целиком. Просто сделала первые привычные действия бесполезными.

Гранов успел отступить на шаг. Из пола поднялась каменная пластина, отрезая путь к дверям. Он оказался сильнее, чем показывали открытые измерения, и попытался развернуть огненный поток по дуге.

Вдова уже переместилась за пределы этой дуги.

Удар вышел из её ладони коротким и точным. Не разрушил всю защиту, а проник в ослабленный стык под рёбрами. Управляющий упал прежде, чем успел закончить технику. Она проверила, что источник угас, и убрала пластины.

Бухгалтер сидела неподвижно. На её лице не было слёз. Только неподвижный взгляд человека, увидевшего, что мир изменился быстрее, чем она успела составить объяснение.

— Ты меня убьёшь? — спросила женщина.

— Нет. Сиди пять минут. Потом вызывай охрану.

— Почему?

Александра посмотрела на дверь.

— Ты не входишь в договор.

Оставлять за собой лишний труп было не только не оплачено. Это усложнило бы выход и потребовало бы дополнительных объяснений заказчику. Ей не нужны были случайные обязательства.

Через сервисный коридор она вернулась к галерее. На посту охраны загорелся жёлтый индикатор: центральная система заметила короткий разрыв связи, но не смогла определить адрес. Охранники ещё не поднимали тревогу. Руководитель наверняка разберётся в случившемся через несколько минут. Поздно.

Оставшись на улице, Александра не поехала сразу в мастерскую. Сначала убедилась, что наблюдатель с серого микроавтобуса не изменил маршрута после смерти Гранова. Машина стояла возле главного входа, и человек у пассажирской двери раздражённо звонил кому-то, кому явно не хотелось отвечать.

Она прошла мимо как обычный посетитель соседнего офиса. Лицо не прятала. Не потому, что ей было всё равно: в обычном городском потоке лицо человека с прямой осанкой и деловой папкой ничем не выделялось. Попытка надеть глубокий капюшон и резко изменить походку запомнилась бы гораздо лучше.

Через квартал она остановилась в небольшом кафе, откуда просматривалась улица. Заказала чай и посмотрела записи миниатюрного механического регистратора. Магию там не использовали; простой прибор фиксировал время закрытия дверей и вибрации, возникавшие при включении охранных контуров. Одно изменение произошло на девять секунд позже расчётного — Гранов всё-таки успел подать личный импульс перед тем, как его источник угас.

Это была не ошибка исполнителя. Она предусмотрела возможность. Но именно такие девять секунд иногда определяют, насколько сложной станет следующая работа. Александра отметила задержку в блокноте и удалила промежуточную копию записи. Борису понадобится только техническая часть, без имени владельца офиса и маршрута отхода.

За соседним столом двое мужчин обсуждали рост цен на защитные артефакты после северных аварий. Один уверял, что государство скрывает настоящее количество погибших магов, другой говорил, что частные компании вот-вот получат новые контракты. Обоих интересовали доходы. Александра тоже работала ради денег, но опасаться чужой прибыли не считала разумным занятием.

Она рассчиталась, вышла и вернулась к машине другим путём. Серый микроавтобус уже уехал. Тот, кто нанял наблюдателя, остался без ответа на собственный вопрос. Вдова не собиралась отвечать ему бесплатно.

На улице шёл мокрый снег с дождём. Александра села в машину, сняла перчатки, проверила руки. Источник работал ровно. Никакой болезненной отдачи. Контракт выполнен без лишних затрат.

Платёж поступил, когда она выезжала из города.

На остановке возле заправки Вдова открыла рабочий канал. Борис уже прислал свежую запись. На экране две зелёные линии расходились, затем снова соединялись через серую точку. На последней секунде прибор показывал подтверждение, которого ни один контакт не давал.

«Скрытая ветвь появилась без питания. Проверил дважды. Нужна новая модель», — написал инженер.

Александра перезвонила.

— Откуда взялся ответ?

— Понятия не имею. Я выключил весь резерв, оставил только физические контакты, и схема всё равно указала на четвёртый адрес. Причём адрес меняется в зависимости от того, какую линию я пытаюсь удержать.

— Не похоже на обычный ложный сигнал.

— Вот именно. Похоже, будто он ждёт, что я выберу.

Она задумалась. Таких ошибок в стандартных подавителях не было. Современная магия опиралась на нагрузку, направление и согласование. А здесь выходило, что одна из связей сама искала удобный момент принять чужую работу за собственную.

— Не включай больше стенд без внешнего физического отключения, — сказала она.

— Я и не собирался.

— Перенеси запись на отдельный носитель. И проверь, не ссылается ли он на нашу старую схему водосброса.

— Уже проверяю. Есть совпадение в последовательности, но не в мощности.

— Насколько близкое?

— Слишком, чтобы объявить случайным.

Борис тем временем сделал ещё один вывод по записи. Система не просто выбирала один из двух готовых адресов. Она продолжала искать третье положение уже после отключения источника питания. Значит, сама процедура измерения могла становиться частью ошибочной цепочки.

— Если направить в такой контур обычное подавление, — сказал инженер, — мы получим не остановку, а новый адрес, которому сеть поверит только потому, что его запретили.

— Поэтому нельзя подавлять всё сразу, — ответила Александра. — Сначала нужно определить, какая связь действительно является чужой, и отделить её от природной опоры.

— И кто удержит остальные направления, пока ты этим занята?

Вдова посмотрела на старую запись, где Демьян закрывал повреждённый выход, не трогая соседние области.

— Найдётся специалист.

— Ты говоришь об Ильине?

— Не буду приглашать человека, который не умеет работать с несколькими независимыми линиями. А из тех, кто умеет, он единственный, с кем у меня уже есть успешный опыт.

Борис помолчал и записал новые технические условия. Его интересовал не характер партнёра Александры, а то, какие нагрузки выдержит оборудование.

Вдова отдельно проверила, не совпадает ли новая ветвь с чем-либо из найденных ею при старых контрактах. Совпадений не было. Никто из прежних клиентов не пытался управлять местностью, заставляя её верить собственной ошибке. С такими противниками не помогали ни обычные слежка, ни контроль слабого места защиты. Потребуется другой тип работы, а значит, иной контракт и другой расчёт риска.

Борис спросил, собирается ли она приглашать Ильина до завершения испытаний.

— Приглашу, когда будет понятно, какие данные ему понадобятся, — ответила она. — Ненавижу людей, которые называют чужую силу универсальным решением, а потом удивляются, почему после удара от здания ничего не осталось.

Она ещё раз посмотрела на ограничение времени удержания. В обычном заказе хватило бы короткого запрета, чтобы убрать защиту цели и закончить всё одним ударом. Здесь подобный приём не решал главного. Пространственная сеть не испытывала страха, не теряла волю после ранений и не понимала угроз. Её можно было только заставить работать иначе, отделив неверные подтверждения от настоящих. И для этого нужен не исполнитель, который красиво атакует, а специалист, способный прикрывать соседние опоры, не затрагивая её собственную технику.

Она закончила разговор и несколько минут сидела неподвижно. Снаружи мимо проезжали грузовики, в стекло бил мелкий дождь. Мастерская Бориса находилась далеко от аномалий, где всё началось. Но новая ветвь возникла на стенде, собранном из обычных материалов, без прямой связи с природным узлом.

Вдова позвонила Демьяну.

Он ответил почти сразу.

— Слушаю.

— У Бориса появился дополнительный отклик. На стенде без внешнего питания.

— Характер?

— Сначала проверяет адрес опоры. Потом повторяет отказ. Затем ищет другую точку подтверждения.

На другом конце стало тихо.

— У нас такая же последовательность на военном объекте, — сказал Демьян.

— Ты там был?

— Да. Людей вывел. Источник отклика пока не нашёл.

— Нужны записи. Без ваших личных измерений, только внешняя реакция.

— Отправлю через защищённый канал. Твои данные — туда же. Егор и Марина сопоставят.

— Пока никакого общего доступа к приборным схемам Бориса.

— И не просил.

Он не пытался распоряжаться её специалистом. Она не собиралась передавать ему ключи от своей работы. Оба понимали границу.

— Если повторится без питания, — сказала Александра, — прибору придётся объяснить, где именно он взял право отвечать.

— Сначала выясним, что отвечает.

— Разумная последовательность.

— Для разнообразия.

Разговор закончился. Александра убрала телефон, проверила новое сообщение от заказчика: подтверждение приёма работы и предложение дополнительного контракта. Она даже не открыла приложенные условия. Сначала требовалось разобраться со стендом.

У Бориса было достаточно оборудования, чтобы изготовить новые линии подавления. Но всё оборудование мира бесполезно, если неправильно определить цель.

Она завела двигатель и повернула к мастерской.

Через час получила от Демьяна три записи независимых военных приборов. Последовательность действительно совпадала: отказ, повтор, перенос, подтверждение.

Вдова долго смотрела на четвёртый участок графика. Система не пыталась взломать её подавление, как это сделал бы человек. Она искала, какой ответ Александра готова признать настоящим.

Если природный узел умеет делать то же самое, обычное подавление будет только приглашением.

Борис встретил её у двери мастерской. Под глазами у него появились тени, зато на рабочем столе лежала новая схема — несколько независимых линий, каждая с физическим отказом.

— Придётся переделывать всё? — спросила Александра.

— Нет. Придётся перестать считать, что мы подавляем только чужую силу.

— А что ещё?

Он развернул запись на экране.

— Чужое право принимать решения.

Она кивнула. Это была наконец точная формулировка.

— Тогда работаем.

Глава 4. Неправильная карта

Марина встретила меня у мастерской с выражением человека, который всю ночь доказывал электронным картам, что они не имеют права врать.

На главном экране висела географическая схема северных районов. Восемь крупных связей, отмеченных после водосброса, оставались на прежних местах. Но соединяющие линии теперь образовывали совершенно другой рисунок.

— Не трогайте карту, — сказала она прежде, чем я успел спросить. — Здесь две проекции. Верхняя — обычные расстояния. Нижняя — расстояния между узлами по времени отклика. Они перестали совпадать.

— Насколько?

— Два участка разделены почти шестьюстами километрами. Но сигнал проходит между ними быстрее, чем между соседними контрольными постами в одной долине.

Егор сидел за соседним столом и старательно портил себе зрение, сравнивая записи с разных приборов.

— Подозреваешь общий источник питания? — спросил я.

— Уже проверили. Внешнее поле различается, частоты не совпадают, а последовательность отказов идентичная. Сначала думали, что перед нами ложная синхронизация. Но физические метки подтверждают задержку.

— Объясни без слов «ложная синхронизация».

Марина ткнула в две точки на карте.

— Представь, что отсюда до старой станции шестьсот километров. На машине ехать несколько часов. Внутри системы два узла соседние. Она может переслать нагрузку между ними прежде, чем местный датчик поймёт, что произошло.

— То есть география больше не объясняет порядок связей.

— Именно.

На другом экране висела старая архивная фотография экспедиции: люди в плотных куртках, каменная полоса в тумане, неясная глубина позади них. Марина положила рядом схему нынешних подтверждений. Часть линий сходилась к тому самому древнему району. Но не все. Три уходили вглубь пустых областей карты и заканчивались без видимого выхода.

— Вы назвали это центром, — сказал я.

— Предположили, — поправила она. — Сейчас уверена только в том, что старый узел способен принимать подтверждения из нескольких удалённых областей. Но может существовать ещё один, который мы не видим.

Нормально. Не надо объявлять центр вселенной по одной красивой фотографии.

Егор открыл новый журнал.

— Есть совпадение с военным объектом. Там пятая метка появлялась после четырёх изменений. В старых материалах похожая последовательность встречается трижды, но каждый раз обозначена другим способом. Исследователи считали это приборными ошибками.

— В каком году?

— Одна запись — больше ста лет назад. Остальные позднее. Это не следствие Сперанской. Она могла активировать старую связь, но не создать саму последовательность.

Я долго смотрел на экран. У нас было два разных явления. Первое — повреждённые участки, возникшие после взрыва в лабораторном центре. Второе — древний механизм, который существовал независимо от чужих опытов. При разрушении повреждённых узлов нельзя было позволить первому явлению переписать правила второго.

— Что можем проверить без риска для центральной области?

Марина передвинула карту.

— Вот этот участок. Старая прибрежная насосная станция и заброшенный карьер. На поверхности четыре километра. По времени отклика — меньше половины секунды. Там нет крупного жилья. Охрана ограничивает доступ с позавчерашнего дня.

— А аномальные существа?

— Два выхода ночью. Третий утром. По записи ничего необычного в самих тварях, — ответил Егор. — Необычно то, что все три выхода появились не на границе разлома, а внутри нормального охраняемого участка.

Я взял распечатки. Нужна была разведка. Не большая операция с сотней людей. Достаточно нескольких независимых измерений и моей возможности быстро добраться до каждого подозрительного места.

— Наземные приборы готовьте без общей шины, — сказал я. — Понадобятся три измерительных комплекта, каждый на собственном аккумуляторе. Сигналы передавать физическими метками. Никаких автоматических команд между станциями.

— Уже собрали, — ответила Марина.

Хорошо.

Выбор этого полигона не означал, что мы собираемся испытывать на нём все догадки сразу. До выезда Марина настояла на нескольких независимых опытах в закрытой лаборатории. Она взяла два одинаковых каменных образца, закрепила их в разных защитных полях и задала одному ложный адрес. Второй оставила без магии.

На обычном приборе оба камня несколько раз оказывались в одной точке. На механической шкале расстояние между ними не менялось ни на миллиметр. Потом Марина подключила

к первому образцу маленький имитатор обратной связи, заставлявший его подтверждать собственное положение через чужой контур.

Экран сразу стал показывать, будто один камень прошёл через другой.

— Видишь? — сказала она. — Нам кажется, что объект переместился. Но материал остался на месте. Просто система принимает чужое сообщение о его адресе.

— А если настоящий разлом попробует сделать то же самое с живым человеком?

— Тогда физически его тело окажется там, куда он вошёл, а управляющая связь может назначить ему другую точку. В худшем случае две стороны начнут бороться за право считать положение настоящим.

Я проверил собственным источником. Никакого перемещения образца не было. Но при попытке продолжить магическую линию она действительно выходила в пустой угол помещения.

— Хорошая причина не доверять красивым стрелкам на дисплее, — сказал я.

Егор предложил ещё один опыт: отключить питание на ложном адресе, не трогая сам образец. Система потеряла подтверждение, вернулась к началу и через полсекунды попыталась использовать второй образец как запасной. Только второй никто не подключал. Неживая аппаратура искала новый путь по правилу, которое мы сами ей дали.

— Получается, ответ ещё не доказывает разум, — заключила Марина.

— И отсутствие лица не доказывает, что нас некому убить, — ответил я. — Пока достаточно знать, что делает система, когда ей не дают привычного результата.

По итогам лабораторного опыта договорились о последовательности на местности: сначала материальные ориентиры, потом магические измерения, затем одно короткое воздействие и длительное наблюдение. Если новая опора возникнет сама, мы должны увидеть момент её появления, а не только уже готовый разлом.

Для этого Марина взяла приборы, которые могли сохранять весь необработанный ряд показаний. Ни одна программа не имела права исправлять «невозможные» координаты до нашей проверки.

Утром мы приехали к карьеру.

Ратников выделил внешний пост с инженерами и двумя машинами сопровождения. Сам оставался на другом объекте, но передал карту проверенных маршрутов. На местности было тихо: серые насыпи, старая бетонная дорожка, влажная осенняя земля. У въезда торчала железная табличка, на которой название карьера затёрлось так давно, что восстановить его уже никто не мог.

Я прошёл по границе участка. Первое измерение дало обычный результат. На востоке — остаточная складка, на западе — старый дренаж. Между ними действительно существовала слабая пространственная связь, но не такая, чтобы объяснить новые появления монстров.

Всё изменилось возле насосной станции.

До входа в старое здание обследовали целый склон. На вершине остались два инженерных поста, каждый со своей проводной связью. Марина настояла на трёх физических метках вдоль подъёма. Я не возражал. В Лесном ещё не было той беды, которую предлагала нам эта станция, но лишней осторожность от этого не становилась.

По нижней дороге прошла группа из пяти существ. Сначала их приняли за животных, выбравшихся из леса. Потом первое подняло голову, и под мордой открылась вторая пасть. Твари двигались почти бесшумно, касаясь грунта широкими мягкими лапами. На боках тянулись светлые полосы. Возможно, приспособление к жизни в складках; возможно, просто очередной мерзкий каприз природы.

— Сектор с тварями, — сообщил наблюдатель. — Пять целей, идут к нижнему посту.

Я видел их лучше. Шестая скрывалась ниже насыпи, прижимаясь к камню. Поднял отдельную воздушную пластину и срезал ей переднюю часть тела. Остальные остановились, словно почувствовав перемену. Затем одновременно рванули к посту.

Двух разорвало широким боковым ударом воздуха. Третьей сжёг голову, не позволяя огненному потоку коснуться кабеля. Четвёртая успела перепрыгнуть бетонный блок и оказалась рядом с инженером. Призрачная рука поймала её над человеком, сдавила грудь. Кровь и обломки костей упали в сторону. Пятую добил силовым ударом о склон. Вся работа заняла меньше нескольких секунд.

Инженер поднялся, отряхнул куртку и проверил приборы. Ни благодарностей, ни разговоров о собственной скорой смерти. Он знал, что приехал на опасную территорию, и думал прежде всего о том, не испортились ли контрольные метки.

— Северный маяк не отвечает, — сообщил он.

— Перепроверь трос, — сказала Марина.

Он сделал, как велели. Трос был цел, маркер на месте. А прибор упрямо рисовал ещё одну точку на другой стороне насосной станции.

Теперь появление тварей приобретало неприятный смысл. Они не просто случайно вышли из старого разлома. Их маршрут совпал с ложным адресом, который система приняла вместо физического. Если бы инженер поверил показанию, он сам вывел бы своих людей навстречу следующей стае.

— Не переносите маяк, — сказал я. — Что бы ни показывали новые измерения. Сначала выясним, кто изменил ответ.

Марина согласилась, и мы продолжили проверку склона. Меньше всего мне хотелось, чтобы собственное оборудование после первой встречи с тварями начало работать на ту же сторону.

Внутри бетонного корпуса под ногами шёл устойчивый стук. Не звук механизма: станцию отключили много лет назад. Стук повторялся каждые несколько секунд, будто кто-то медленно бил камнем о камень в подземном помещении.

— Вы слышите? — спросила Марина по рации.

— Слышу. Но звук приходит через грунт. Воздух молчит.

— У нас на двух постах разные моменты. Запаздывание восемь десятых секунды.

— Отметьте и не исправляйте время приборов.

Я приложил ладонь к стене. Через земляную плоскость прошёл короткий импульс. Сначала получил обычное отражение от фундамента. Через мгновение пришёл второй ответ, чуть слабее и заметно глубже. Затем третий — уже не снизу, а из направления карьера.

Система не просто отражала сигнал. Она указывала путь.

Или пыталась заставить меня принять один из ответов за путь.

Отметил положение. Из внешнего карьера пришёл крик.

— Прорыв! — сообщил наблюдатель. — Северный сектор, две точки!

Я оторвался от стены и вышел через пролом в бетоне. Над карьером висели две мутные складки. Из первой выбирались длинные приземистые существа с панцирями, похожими на спёкшийся камень. Из второй — быстрые двуногие твари с острыми передними конечностями. Ещё одна складка открывалась дальше, возле дороги.

Военные не бежали навстречу. Они заняли укрытия у бетонных блоков, открыли направленный огонь, не пытаясь попасть в саму пространственную границу. Служили люди, которые уже знали цену плохой стрельбы по неизвестной магии.

Я вышел на край карьера. Разделил воздух на четыре независимые плоскости. Первой перерезал путь двуногим, второй снес панцирным существам передние конечности, третьей закрыл направление к дороге, четвёртой удержал подъём грунта, чтобы не обрушить старую стену станции.

Твари не останавливались. Панцирные пытались прорваться широким фронтом, двуногие прыгали через их спины. Пока я проверял структуру выходов, первые уже успели подойти на два десятка метров.

Одного панцирного схватил за край брони и ударил о каменную стену. Броня раскололась, внутренности оставили мокрый след на бетоне. Рядом прыгнула быстрая тварь. Я шагнул в сторону, перехватил её руку и рванул вниз. Сустав вышел вместе с куском корпуса. Следующий удар усиленного кулака разнёс голову.

Крупная туша справа попыталась придавить меня массой. Я поднял встречный каменный клин. Панцирь лопнул по брюху. Существо осело, скребя землю остатками лап. Ещё двоих сжёг направленным потоком пламени. До людей не дошёл ни один.

— Сектора держать! — передал я по общей связи. — Не подходить к выходам. За мной не идти.

И тут произошло то, ради чего стоило приехать.

Три складки начали двигаться навстречу друг другу. Не механически — каждая меняла собственные границы, будто вырезала из пространства необходимые ей участки. Внешние края исчезали, а в центре карьера формировалось одно общее отверстие, глубиной не меньше старой шахты.

Твари перестали выходить отдельными группами. Их поток пошёл из нового единого проёма.

Внизу появился слабый свет. Не магическое сияние, а нечто похожее на отражение далёкого фонаря в мутной воде. Я посмотрел на энергетическую структуру.

У трёх старых складок не было общей физической опоры. После объединения она появилась.

Новый узел.

— Марина, записываете?

— Да. Но приборы спорят о координатах центра.

— И правильно делают. Не закрепляйте его как географическую точку. Сначала сравните по материальным ориентирам.

Часть существ развернулась ко мне. Вышли шесть крупных особей, уже не похожих ни на панцирных, ни на быстрых. Длинные плечевые дуги, четыре передние лапы, плоские головы. Они несли на панцирях осколки камня, которые вовсе не соответствовали местной породе. Когти скребли по земле, и я услышал от этого скрежета почти человеческое раздражение.

— Ну идите, — сказал я.

Первая рванула прямо. Я встретил её усиленной ладонью в грудь. Воздух вокруг запястья уплотнился, удар прошёл через корпус и выбил из спины фонтан осколков и мяса. Вторую стёр широкой огненной плитой. Третья пыталась обойти по краю, но там уже стояла независимая воздушная стенка. Я раздавил её между двумя пластинами, не тратя времени на разворот.

Остальные три попытались уйти обратно к узлу. Неважно. Они не были целью. Я поднял каменное кольцо и перекрыл им путь на поверхность, а изнутри разлома направил широкий поток огня. В глубине раздался низкий треск, как будто на несколько секунд вспыхнула огромная полость.

Частью энергии новый узел попытался воспользоваться.

Именно этого я ожидал. Вместо того чтобы ломать его, остановил огонь и позволил системе показать, куда она хочет передать избыток. Тонкая связь потянулась к старой насосной станции. Вторая — в сторону карьера. Третья исчезла из обычного пространства, но на внешнем посту сразу изменился угол контрольной тени.

— Есть новая ветвь, — сообщила Марина. — Не на север. По внутреннему графу — к удалённому участку за пределами полигона.

— Совпадает с архивной картой?

— Пока на семьдесят процентов. Но время отклика то же самое.

Я не разрушал новый центр. Отделил его от внешних выходов и позволил остаточному пространству уйти в собственный устойчивый режим. Узел удержался, но перестал выдавать существ наружу. Внешняя граница стала меньше, чем была до объединения.

Это не было закрытием. Мы лишь остановили прорыв и получили данные.

Когда перестали появляться новые твари, мы не стали считать участок безопасным. Внизу оставались тела, обломки панцирей и несколько проломов в земле, из которых поднимался тяжёлый влажный воздух. Военные обходили их по заранее выданной схеме. Каждый шаг подтверждали металлической меткой. Иногда шаг занимал минуту: прибор показывал совсем другое место, и человеку приходилось решать, чему верить.

Я спустился в бывшее машинное отделение. Там лежал большой цилиндрический корпус насоса. Его разрезало точно посередине, но обе половины находились на своих креплениях. Между ними висела прозрачная складка, через которую было видно то ли вторую такую же комнату, то ли неправильное отражение первой.

Подал короткий огненный импульс внутрь цилиндра. Пламя прошло через одну половину, исчезло и вернулось не с той стороны. Мощность оказалась прежней, но направление поменялось. Отказал складке в праве назначить мне место выхода, погасил пламя и отметил точку.

— Раньше оно так работало? — спросила Марина.

— Не знаю. Но теперь знаю, что сюда нельзя заводить гаситель. Он может вернуть собственную нагрузку через неправильный контакт.

Егор предложил испытать ещё несколько последовательностей, но я отверг одну. Для неё требовалось связать мои внешние опоры общим подтверждением. Это как раз то, чего добивалась система: убедить нас, будто одни и те же координаты обязаны означать одну точку. Пока мы держали физические связи раздельно, она не могла свести всё к удобной для себя ошибке.

У дальнего пролома шевельнулся крупный панцирь. Один из убитых зверей ещё пытался подняться, цепляясь лапами за бетон. Я прошёл ближе и опустил ногу на основание его головы. Раздался треск; движение закончилось. У существа внутри груди обнаружились два независимых узла сочленения. Оно могло переносить часть веса, пока остальные лапы находились в складке. Маленькое, неприятное подтверждение того, к чему привыкла местная фауна.

— Унести образец? — спросил техник.

— После полной проверки, — ответил я. — Не хочу, чтобы вы вывезли живую складку в лабораторию вместе с красивой костью.

Ему это объяснение понравилось куда меньше самого образца. Впрочем, руки он убрал. Разрушенная насосная станция не обещала нам ничего хорошего, но хотя бы перестала притворяться простой промышленной аварией.

Инженеры проверили периметр. Военные закончили сбор обломков существ на безопасных участках. Нескольких раненых отнесли к машинам: один солдат получил осколок в бедро, второй вывихнул плечо, когда падал за укрытие. Ничего героического в том, чтобы лечить людей под работающей аномалией. Медики делали свою работу так же спокойно, как я — свою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.